

Радионова Алла Владимировна

ПРОБЛЕМА КОЛЛЕКТИВНОГО СОЗНАНИЯ В ТВОРЧЕСКОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ РУССКИХ ПОЭТОВ XIX-XX ВЕКОВ

В статье рассматриваются взгляды русских поэтов XIX-XX вв. на философскую парадигму коллективного сознания. Исследуются представленные в русской лирике три плана этой парадигмы, различные по степени обобщения сознания: сознание человека вообще как представителя человеческого сообщества; разум общественный, социальный, характеризующий способность людей создавать социальные связи и вступать в социальные отношения; групповое сознание. Также дан анализ различных модификаций коллективного сознания, ставшего объектом русской лирики.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/3-1/38.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 3 (17): в 2-х ч. Ч. I. С. 141-148. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 187.01

В статье рассматриваются взгляды русских поэтов XIX-XX вв. на философскую парадигму коллективного сознания. Исследуются представленные в русской лирике три плана этой парадигмы, различные по степени обобщения сознания: сознание человека вообще как представителя человеческого сообщества; разум общественный, социальный, характеризующий способность людей создавать социальные связи и вступать в социальные отношения; групповое сознание. Также дан анализ различных модификаций коллективного сознания, ставшего объектом русской лирики.

Ключевые слова и фразы: разум; лирика; общечеловеческое сознание; социальное сознание; групповое сознание.

Алла Владимировна Радионова, к. филол. н.

Кафедра общественных наук

Российский государственный университет туризма и сервиса (филиал) в г. Смоленске

Allarad1@rambler.ru

ПРОБЛЕМА КОЛЛЕКТИВНОГО СОЗНАНИЯ В ТВОРЧЕСКОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ РУССКИХ ПОЭТОВ XIX-XX ВЕКОВ[©]

Будучи словесным творчеством, лирика в слове являет процесс и механизм мышления, его законы и особенности: «слово есть архетип культуры; культура – культ разума, слова – воплощение разума» [57, с. 380]. Но феномен сознания и сам по себе становится объектом художественной презентации в литературе. Мы встречаем в текстах характеристики ментальных актов. При таком опосредованном представлении разумное сознание становится предметом художественной вообще и в том числе поэтической речи. Этот последний ракурс стал темой нашего исследования.

Коллективное сознание как самостоятельно существующий вид сознания исследовал Эмиль Дюркгейм, французский социолог и философ, один из создателей социологии как самостоятельной науки. Под коллективным сознанием он понимал совокупность чувств, верований, представлений членов одного общества [25, с. 231-235]. Считается, что коллективное сознание имеет самостоятельное существование и не сводится к сумме индивидуальных сознаний [41]. Ученик Дюркгейма, философ и антрополог Леви-Брюль связывал первые формы культуры (обряды, мифы) с феноменом коллективного сознания. Коллективное сознание дологическое и мистическое, оно характеризуется нечувствительностью к противоречиям: одна и та же вещь может участвовать в нескольких совершенно различных формах бытия.

Мартин Хайдеггер писал о поэзии, что она есть установление бытия. «И равным образом поэтическое слово есть лишь истолкование “голоса народа”. Так называет Гёльдерлин сказания, в которых народ помнит о своей принадлежности Сущему в Целом» [55, с. 45]. Гёльдерлин – немецкий поэт XIX в., который стремился в своем творчестве связать философию и поэзию до полного их слияния. Хайдеггер в статье, посвященной этому поэту, на примере его лирики определял суть поэзии, соотнося ее со сверхиндивидуальным, коллективным сознанием («голос народа»).

В лирике коллективное сознание представлено несколькими планами, которые различаются степенью обобщения. Каждый из этих планов мы рассмотрим особо.

Бытие общечеловеческого сознания

Наиболее укрупненный ракурс представления коллективного сознания в лирике – панорама бытия общечеловеческого сознания. В этой парадигме актуализируется значение человеческого разума по отношению к окружающему миру не только в смысле понимания разумом мира, но и в смысле существования разума в мире: «Мир опутан светлой тканью мыслей-паутин...» (Бальмонт. «Три страны») [2, с. 197]. Сюда отнесем и тексты, в которых высказано авторское отношение или отношение лирического субъекта к человеческому сознанию: «Слава доброму мышлению, / Слава доброму реченью, / Слава доброму деянью / <...> Кто к благой склонился мысли, / Он склонен к благому слову, / Он идет к благому делу, / Слава верным трем путям» (Бальмонт. «Воскресенье») [Там же, с. 390]; «Мысль человекья / много сложней, / чем знают / у нас / о ней» (Маяковский. «Свидетельствую») [36, с. 58]. Проблему агрессии техники по отношению к человеческому сознанию поднимает Волошин: «Дух, воплощаясь в чреве, строит тело: / Пар, электричество и порох, / Овладевши / Сознаньем и страстями человека, / Себе построил / Железные тела...» («Машина») [16, с. 164-166].

Таким образом, общечеловеческое сознание в лирике раскрывается по отношению к себе через осознание человечеством своей сути и предназначения. По отношению к миру лирика раскрывает общечеловеческое сознание через осознание вселенского мироздания поэтами как представителями человечества; а по отношению к технике – через осознание особенностей технического прогресса.

Бытие социального общечеловеческого сознания

Данный ракурс отличается от предыдущего своей проблематикой. В плане бытия общечеловеческого сознания актуальна мировоззренческая проблематика текстов. Здесь же на первый план выходит проблематика социальная, хотя уровень обобщения остается таким же широким.

В этой области возможны два подхода. Синхронический подход показывает особенности социального бытия массового разума безотносительно к локализации пространственной или этнической. Поскольку данная ситуация характеризуется высокой степенью обобщения, наиболее частотные приемы презентации общечеловеческого разумного сознания – персонификация и аллегория. При синхроническом подходе актуализируется пространственная общность: «так происходит везде».

Зачастую при этом высвечиваются социальные проблемы. Например, в социальном бытии массового сознания видится проблемным преобладание силы над разумом. Аллегорическое противостояние силы и разума находим у Тютчева: *«Родись в народе мысль, зачатая веками, / Сперва растет в тени и шевелит сердцами – / Вдруг воплотилась и увлекла народ!.. / Князья куют ей цепь и зажимают рот, / Но день ее настал, – и смело, величаво / Она вступила в сейм, явилась среди конклава, / И, с скипетром в руках иль митрой на челе, / Пригнула все главы венчаные к земле...»* («Великий Карл, прости! – Великий, незабвенный...» <Из «Эрнани» В. Гюго>) [53, с. 107].

Иллюстрацией поэтического отражения этой проблемы является и стихотворение Бенедиктова «Мысль» [8, с. 450-452]. В этой аллегории образы силы (кулак) и разума (мысль) сходятся: *«Лампадным огнем своим жизнь возбуждая, / Сгоняя с земли всеобъемлющий мрак, / Пошла было по свету мысль молодая – / Глядь! – сверху нависнул уж старый кулак»*. Бенедиктов дает характеристику персонифицированному разумному сознанию людей. Человеческая мысль: 1) является в слове; 2) результат равно как искусств, так и науки; 3) имеет этическое значение, являясь главным качеством незаурядных личностей; 4) имеет сакральное значение. Бенедиктов, как известно, был эпигоном поэтов высокого романтизма. С этой точки зрения его поэзия нам особенно интересна. Примеры из его лирики подтверждают культурные тенденции в русской поэзии 20-40-х гг. XIX в.

Еще одна проблема общечеловеческого социального сознания – использование достижений разума не во благо, а во зло человечеству. Усилия мысли, которые могли бы способствовать развитию духовных ценностей, обращены к поиску новых средств уничтожения людей:

Мысли божественный дар углублен в изысканья
Гибельных средств к умножению смертных терзанья,
Брошены в прах все идеи, в почете – гремушки;
Проповедь мудрых молчит, проповедуют – пушки,
И, опьянелые в оргии дикой, народы
Цепи куют себе сами во имя свободы...

(Бенедиктов. «Война и мир») [Там же, с. 384-385].

В отличие от синхронического подхода при диахроническом подходе становится важным показать не просто какое-либо существование вещей, но именно развитие, чаще всего с усилением определенного качества: *«Так времена и целые народы / Изменяются с Весною мировой, / И, оком духа, с светлой головой, / Прочтя, поймут все таинства природы...»* (Глинка. «Весна») [19, с. 126]. Развитие сознания представляется как путь человечества вообще от Адама до Апокалипсиса. Коллективное сознание предстает суммой усилий индивидов по накоплению знаний. Но знания, накопленные коллективным сознанием, также провоцируют ряд социальных проблем. Тютчев высвечивает проблему уничтожения веры на пути разумной деятельности человека:

Где вы, о древние народы!
Ваш мир был храмом всех богов,
Вы книгу Матери-природы
Читали ясно, без очков!..
Нет, мы не древние народы!
Наш век, о други, не таков.

(«А. Н. М<урьеву>») [53, с. 58].

К панорамному изображению развития общечеловеческого разума был склонен Волошин. В цикле «Пути Каина» вырисовывается ситуация развития человеческого разума. Разум предстает злом, которое разрушило естественную жизнь Земли. «Мятеж» [16, с. 147-149] начинается с антиномии, приема, вообще свойственного его поэтике [51, с. 347-355]: *«Когда-то темный и косматый зверь, / Сойдя с ума, очнулся человеком – / Опаснейшим и злейшим из зверей – / Безумным логикой / И одержимым верой»*. Творчество – это работа по преобразованию себя, а разум – «есть творчество навыворот», преобразование окружающего мира. В итоге разум поработает человека, результаты разумной деятельности заставляют человечество служить себе: *«И стал рабом своих же гнусных тварей»*. В «Космосе» [16, с. 175-181] и в «Танобе» [Там же, с. 181-186] повторяется ситуация – «человечество познает и преобразует мир». В «Космосе» человечество предстает в обобщенном образе Адама и Человека. Непосредственное мышление Адама, слитого с миром (*«Он мыслил небом, думал облаками»*), вдруг сменяется логическим мышлением: *«Он очевидность выверил числом, / Он цвет и звук проверил осязаньем, / Он взвесил свет, измерил бег луча, / Он перенес все догмы богословья / На ипостаси сил и вещности»*. Под натиском разума мир превращается в механизм, бытие мира сводится к небытию: *«...он мыслил / Вселенную как черный негатив: / Небытие, лоснящееся светом, / И сущности, окутанные тьмой»*. В «Танобе» агрессия разума над природой еще более усиливается (*«Отрубленные пальцы в термостатах, / В растворах вырезанные сердца...»*). Но попытки все познать обречены на провал, поскольку познание мира уничтожает мир, разъедает его основы, замещает живой дух мертвой цифрой. Волошин показывает абсурдность

развития разумной деятельности человечества, ее бесперспективность. Путь к знанию – путь к саморазрушению. Разум превращает историю в грандиозную драму человеческого духа.

Гумилев продолжает эту парадигму. В его стихотворении-аллегории «Сон Адама» [21, с. 255] «От плясок и песен усталый Адам / Заснул, неразумный, у Древа Познания» и видит во сне все будущее веков, в том числе и прогресс разума:

На бурный поток наложил он узду,
Бессонною мыслью постиг равновесье,
Как ястреб врезается он в поднебесье,
У косной земли отнимает руду.
Покорны и тихи, хранят ему книги
Напевы поэтов и тайны религий.

Но будущее разочаровывает Адама, вселяет в него ужас перед жизнью и он в страхе молит о смерти. В приведенных текстах ситуация «разум познает и этим разрушает мир» дана в аллегорической картине, панорамно изображающей путь человечества.

Надо отметить, что в лирике присутствует и обратная парадигма «разум познает и этим созидает мир». Как пример оптимистического отношения к развитию общечеловеческого социального сознания можно привести стихотворение Игоря Северянина «Рыцарь духа» [47, с. 147]:

Человек, заковавший свой разум
В строгих принципов духа кольчугу,
Этим к небу возносится разом,
Примыкая к почетному кругу.
Взявши меч справедливости в руки,
Что гимнастикой развиты веры,
Он идет под штандартом науки
Показать нам отваги примеры.

Оптимизм Игоря Северянина сказывается в концепции победы человечества в постоянной борьбе за саморазвитие.

Диахрония представления коллективного общечеловеческого разума возможна не только в развернутой ситуации, как мы это видели до сих пор, но и в одном-двух мотивах. Так, у Пастернака в «Рождественской звезде» [43, с. 537] развитие общечеловеческого сознания представлено в одном мотиве «все мысли веков вставали» («И странным виденьем грядущей поры / Вставало вдали всё пришедшее после. / Все мысли веков, все мечты, все миры. / Всё будущее галерей и музеев...»). Вознесенский в стихотворении «Открытие черного квадрата» дает ситуацию предельно сжато, в двух мотивах, но и предельно напряженно: «Два тысячелетия имели двумерное сознание, / третье тысячелетие имеет трёхмерное – что за?» [28]. Ахмадулина в двух мотивах стихотворения «Продолжение следует <Из М. Квливидзе>» [1, с. 374] высказывает надежду на положительное развитие общечеловеческой мысли: «...и мысль, невнятно тлевшая века, / все ж вычислит простую суть предмета...».

Синхронический и диахронический ракурсы в стихотворении могут сочетаться. Так, Глинка в стихотворении «Ф. И. Тютчеву» [19, с. 110] рисует картину повсеместной испорченности сознания людей при иллюзии мировой стабильности в настоящее время и предрекает грядущее изменение ситуации и мировой катаклизм. Вот некоторые строфы этого стихотворения:

Как странно ныне видеть зрящему
Дела людей:
Дались мы в рабство настоящему
Душою всей!
<...>
Разладив с вещью сердечностью,
Кичась умом,
Ведём с какою-то беспечностью
Свой ветхий дом.
<...>
Но в сердце есть отломок зеркала:
В нём видим мы,
Что порча страшно исковеркала
У всех умы!
<...>
Но принял не напрасно дикое
Лицо пророк:
Он видит – близится великое
И близок срок!

Бытие социального сознания

В данной парадигме, как и в предыдущей, сохраняется социальная проблематика, но уменьшается степень обобщения. Здесь рассматривается сфера бытия не общечеловеческого сознания, а сознание людей определенной социальной группы. Поскольку социальный разум является суммой индивидуальных сознаний

в разумной совместной деятельности общества, в этой области становится актуальной идея государственности: «Народ устроенный, блаженный / Под царским некогда венцом, / Чей вкус и разум просвещенный / Европе были образцом...» (Державин. «Колесница») [24, с. 299].

Эпоха Просвещения провозгласила идею, согласно которой разумная деятельность общества движет это общество по пути прогресса всех сфер его бытия. Но время показало: и социальное развитие, и тем более этическое даже в Европе отстает от технического прогресса. В традиционно консервативной России социальное устройство было далеко от идеального, что вызывало в поэтической среде отклик, сложившийся в парадигму «России недостает разума»: «Христос воскрес, питомец Феба! / Дай бог, чтоб милостию неба / Рассудок на Руси воскрес; / Он что-то, кажется, исчез» (Пушкин. «Из письма к В. Л. Пушкину») [44, с. 189]; «И грозный приговор в кругу невежд-судей, / И, наконец, гнев тех, которые готовы / На разум наложить протекших лет оковы! / И, словом, всюду я, куда ни посмотрю, / Лишь неприятности и беспокойства зрю...» (Рылеев. «Путь к счастью») [46, с. 66]; «Обманутой, обиженной России / Вы честь спасли, – и выше нет заслуг; / Днесь подвиги вам предстоят иные: / Отстойте мысль ее, спасите дух...» (Тютчев. «Князю Горчакову») [53, с. 215]. В лирике Некрасова эта парадигма представлена наиболее широко: «В печальной стороне, где родились мы с вами, / Где все разумное придавлено тисками, / Где все безмозглое отмечено звездами...» (Некрасов. «Н. Ф. Крузе») [40, с. 45]; «Что русской душе так мучительно мило, / Что русские мысли вселяет в умы, / Те честные мысли, которым нет воли, / Которым нет смерти – дави не дави, / В которых так много и злобы и боли, / В которых так много любви!» (Некрасов. «Крестьянские дети») [Там же, с. 115]. Эту парадигму сохраняет и Серебряный век, и современная поэзия: «Россия казней, пыток, сыска, тюрем, / Страна, где рубят мысль умов сплеча...» (Бальмонт. «Имени Герцена») [5, с. 435]; «...ты, Русь глухонемая! Бес, / Украв твой разум и свободу, / Тебя кидает в огонь и в воду...» (Волошин. «Русь глухонемая») [16, с. 80]; «Печать поставили на наше поколенье – / Лишили разума, и памяти, и глаз» (Высоцкий. «А мы живем в мертвящей пустоте») [18, с. 144].

Констатация недостатка разума – общее для этих текстов, хотя их смысловой диапазон – от пожелания мысли широкой дороги до обличения по отношению к ней кровавого террора. Заметим, что и Л. Н. Толстой видел природу зла в недостатке разумного сознания [9, с. 180].

Обратная парадигма «разумная мысль в России присутствует» меньше по объему: «Сие-то высшее сознание / Вело наш доблестный народ...» (Тютчев. «Как дочь родную на закланье...») [53, с. 120-121]; «Да, много ты перенесла, / Россия, сумрачной невзгоды, / Пока, аля, не возшла / Заря сознания и свободы» (Брюсов. «Весной») [13, с. 51]; «А в перегонном кубе все упрямей / Варилась жизнь, и шла постройка гнезд. / Работы оцепляли фонарями / При свете слова, разума и звезд» (Пастернак. «Памяти Рейснер») [42, с. 226]. Активизация разума связана с эпохами реформ и революций.

Приведенные нами две парадигмы только формально разделены и только внешне оппозиционны. Как в реальной жизни активизация мыслительной деятельности и гонения на мысль сосуществуют, так и приведенные тексты можно свести к общей парадигме бытия общественного разума. Когда речь идет о бытии массового сознания в определенном государстве, этому придается общественно-политическое значение.

Пушкин неоднозначно относился к проблеме сознания. Он находился под влиянием деятелей Просвещения, которые превозносили разум и его роль в жизни общества. В то же время он был подвержен влиянию идей Руссо, который провозгласил, что социальный разум развращает невинную природу человека. Итогом влияния двух противоположенных теорий стало то, что поэт в бытовании общественного сознания выделял две оппозиционные разновидности – так называемую ложную мудрость житейскую и истинный разум: «Да здравствуют музы, да здравствует разум! / Ты, солнце святое, гори! / Как эта лампада бледнеет / Пред ясным восходом зари, / Так ложная мудрость мерцает и тлеет / Пред солнцем бессмертным ума. / Да здравствует солнце, да скроется тьма» («Вакхическая песня») [45, с. 269]. Ложную мудрость он представлял с иронией: «Много в свете рифмодеев, / Все ученых грамотеев, / Чтобы всякий вздор писать...» («Куплеты на слова “С позволения сказать”») [44, с. 306]; или даже с сарказмом: «Вы правы, мудрые народы, / К чему свободы вольный клич! / Стадам не нужен дар свободы, / Их должно резать или стричь, / Наследство их из рода в роды / Ярмо с гремушками да бич» («Бывало, в сладком ослепленье...») [45, с. 158].

Субъектом сознания в данном поле является народ, граждане, общество. Но в этих текстах непосредственный субъект часто опущен и явлен метонимически в понятиях «сознание», «разум», «мысль», «мудрость» и т.д., что говорит все еще о высокой степени обобщения.

Бытие социального группового сознания

В этой парадигме наблюдается четкая определенность социальной группы. Это уже не народ или общество, а определенный социальный слой, который рассматривается как объект сознания. Традиционная для XIX века парадигма «свет (круг светской аристократии) имеет ограниченное сознание» встречается уже у Державина: «О пышность! как ты ослепляешь! / И барин без ума – павлин» («Павлин») [24, с. 232]. Наиболее конкретно она выражена в эпигонской лирике Баратынского: «Гляжу на свет и, видя в свете / Свободу глупости и зла, / Добра и разума прижмем, / Насильем сверженный закон, / Я слабым сердцем возмущён...» («Слыхал я, добрые друзья...») [6, с. 146].

Поэтическим шаблоном становится представление светского общества как толпы. Создавая эту парадигму, поэты наделяли толпу такими характеристиками, как отсутствие ума, глупость, недостаток просвещения, неспособность к осмысленной деятельности. Мы встречаем «безумную толпу» у Жуковского («Сельское кладбище (Второй перевод из Грея)») [27, с. 398], у Пушкина («Ф. Н. Глинке», «Недвижный страж дремал на царственном пороге...») [45, с. 128; 55, с. 176], у Кюхельбекера («Поэты») [32, с. 47], у Баратынского

(«Где ты, беспечный друг? Где ты, о Дельвиг мой...») [6, с. 69]. «Непросвещенная толпа» – у Пушкина («Деревня») [44, с. 359] и Рылеева («Послание к Н. И. Гнедичу (Подражание VII посланию Дездемоны)») [46, с. 82]. Также в этой парадигме встречаем у Кюхельбекера: «*Да смолкнет же передо мною / Толпа завистливых глупцов...*» («Ермолову») [31, с. 61], у него же находим «бесмысленную толпу» («Совет») [Там же, с. 120]. «Толпы бессмысленное мненье» – у Некрасова («Когда из мрака заблужденья...») [39, с. 34]; «тупое ханжество толпы», «толпа безумна» («Языкову») [6, с. 162] и «толпы ленивый ум» («Осень») [Там же, с. 189] – у Баратынского. В лирике Лермонтова встречаем оксюморонный образ «самолюбивая толпа, которая от мудрости глупа» («Смерть» («Оборвана цепь жизни молодой...»)) [32, с. 109].

Процессы демократизации и урбанизации приводят к изменению значения понятия «толпа» в поэзии. В конце XIX – начале XX века толпа ассоциируется уже не со светским кругом, а с городскими жителями. При этом сохраняется негативная характеристика массового сознания: «*Развратный гул столиц, / Толпы глупцов, безумный ряд / Животно-мерзких лиц*» (Бальмонт. «В душах есть все») [5, с. 168]; «*Темной толпою, в часовне убогой... / <...> / Тупо мы слушаем сонное пенье*» (Бальмонт. «Молебен») [2, с. 297]; «*Неумолимо / Толпа возвышает свой голос мятежный, / Властительный, / В безумии пьяных веселий / Все прошлое топчет во прахе...*» (Брюсов. «Слава толпе») [11, с. 437]; «*Внизу суежилась толпа безумная, / Под стуки копыт и свистки авто...*» (Брюсов. «Офелия» («Ты не сплетала венков Офелии...»)) [12, с. 18].

В лирике также присутствуют социально значимые парадигмы крестьянского сознания и сознания рабочих. Крестьянское сознание характеризуется как разумное: «смышленный мужик» – в лирике Бенедиктова («К отечеству и врагам его») [8, с. 325] и в лирике Глинки: «*Но не бедней, богатых, нас / Сии сыны простой природы! / <...> / В хозяйстве дело разумеют / И толковиты для работ...*» («Осень и сельское житье») [29, с. 85]. Бальмонт использует образ «крестьянское сознание → зерно», чтобы показать в этом архетипическом образе скрытую до поры потенциальную жизненную силу народного сознания:

Любой мужицкий двор – усадьба,
Где мысль – как веское зерно.

Народный ум не насмерть ранен,
Придет конец и мутной мгле,
И звучным голосом крестьянин
Воскликнет к матери-земле...

(Бальмонт. «Слава крестьянину») [2, с. 361].

Парадигма «сознание рабочих» также представлена в лирике Бальмонта: «*Крепчает, воет непогода, / Но ум рабочего – маяк. / В Земле и Воле – жизнь народа, / Опять душисть не сможет мрак*» («Земля и воля») [5, с. 336]. Но более других актуализирует социальную значимость этой парадигмы Маяковский: «*Рабочий особенно. / Вылазь! / Сюда из тем подвальной! / Что стал? / Чего глядишь исподлобленно?! / Иди! / Подходи! / Вливайся! / Подваливай! / Манометры мозга!*» («1-е МАЯ») [35, с. 40]; «*Их вызов – / классу буржуев вызов, / мысль – / пролетариата голова*» («Гулом восстаний, на эхо помноженным...») [36, с. 79]; «*Рабочий класс / и умней / и людней. / Не сбить нас / ни словом, / ни плетью*» («Первые коммунары») [37, с. 56]; «*Вредителей / предательство / и белый / знаний / лоск / забей / изобретательством, / рабочий / мозг*» («Мы») [38, с. 119].

Бытие группового сознания

При реализации этой парадигмы социальная проблематика отступает на второй план. Главным становится показать отличия в сознании разных групп людей, особенности сознания определенной группы (этнической, профессиональной, гендерной).

Этническое сознание стало объектом лирического творчества Бальмонта. У него неоднократно появляется мысль о сосуществовании различных форм мышления, основанных на разных ментальных основаниях. В своих противоречиях они взаимодополняют друг друга. Общечеловеческое сознание совершенствуется в разнообразии: «*И эллинов, и парсов я пойму. / В одних – самовлюбленное сознание, / В других – великий праздник упования, / Что будет миг спокойствия всему*» (Бальмонт. «Одинокому») [3, с. 490]; «*Огнепоклонником я прежде был когда-то, / Огнепоклонником останусь я всегда. / Мое индийское мышление богато / Разнообразием рассвета и заката...*» (Бальмонт. «Огнепоклонником я прежде был когда-то...») [2, с. 213].

Наиболее полно эта концепция раскрывается в стихотворении «Похвала уму» [Там же, с. 193]:

Безумие и разум равноценны,
Как равноценны в Мире свет и тьма.
В них два пути, пока мы в Мире пленны,
Пока замкнуты наши терема.

И потому мне кажется желанной
Различность и причудливость умов.
Ум английский, и светлый, и туманный,
Как Море вокруг несчетных островов.

Бесстыдный ум француза, ум немецкий,
Строительный, тяжелый и тупой,
Ум русский, иступленно-молодецкий,
Ум скандинавский, вещий и слепой.

В стихотворении показаны и интраобраз (представление о собственном этническом образе), и экстраобраз (представление о нечленах своего этноса) [56, с. 118]. Создается персонификация ментального бытия страны и этноса одновременно. Вычлняются самые яркие черты этнического сознания и в самоописании, и в описании других народов. Ведущий аспект в характеристике этнического сознания – эмоциональный. Осознание собственного этнического сознания всегда совершается в сравнении с особенностями другого. Обычно положительные эмоции связаны с интраобразом, а отрицательные эмоции связаны с экстраобразом. Но у Бальмонта равноправные бинарно-оппозиционные оценки образов этнического сознания. Заметим, что Н. В. Уфимцева, исследуя языковое сознание, делает вывод о том, что противоречие – одна из особенностей именно русского этнического сознания [54, с. 135-170]. Для Бальмонта стремление к синтезу бинарных противоположностей в некой целостности определяет особенность поэтического мира [30, с. 149-155].

Поэтический взгляд на феномен сознания становится еще шире, когда поэт говорит о массовом сознании, например, Египта, Эллады и т.д. При этом эпоха характеризуется в культурологическом масштабе. И тогда нередко перед читателем рисуется картина развития массового сознания в историческом значении. Исторический аспект в поэтической прорисовке бытия человеческого сознания становится ведущим. Существование человека предполагает существование и в природе, и в культуре, и в истории. Лирика, раскрывая человеческое бытие, связывает его с историческими эпохами, формами, событиями [49].

И в этой парадигме возможны синхронический и диахронический подходы. Бальмонт отражает бытие этнического сознания в его синхронии, делая акцент на ментальных особенностях. Брюсов же, например, творчески исследует этническое сознание в его диахроническом развитии. В проспекте бытия массового сознания он видит главное, что является общим для любой эпохи: «развитие мысли определяет развитие человечества». Крупномасштабный исторический взгляд на массовое сознание дан в венке сонетов «Светоч мысли»: «*Впервые, светоч из священных слов / Зажгли Лемуры, хмурые гиганты; Его до неба вознесли Атланты. / Он заблестал для будущих веков, / И с той поры все пламенной, все шире / Сияла людям Мысль, как свет в эфире*» («Атлантида») [13, с. 383]. И дальше каждый сонет в венке посвящен развитию разума в определенную культурную эпоху на новой ступени развития человечества. Тему исторического разума встречаем и у В. Соловьева: «*И силой разума и права – / Всечеловеческих начал – / Воздвиглась Запада держава, / И миру Рим единство дал*» («Ex oriente lux») [50, с. 80].

Историческое направление актуально именно для русской философии, что оказало сильное влияние и на поэтическую мысль [48, с. 107-114]. Проблемы соотношения судеб России и Европы привлекали внимание И. А. Аксакова, А. С. Хомякова, Ф. Ю. Тютчева, В. С. Соловьева. Ряд их стихотворений можно отнести к особой разновидности культурологических текстов. Такая «поэтическая культурология» [52, с. 32-33] организуется вокруг ряда основных культурных хронотопов, наиболее значимых в истории человечества. Особенность брюсовского «Светоча мысли» по сравнению с историческими текстами других поэтов в том, что автор социодинамику культуры представил через развитие мысли-знания-истины. Тема смены культур вообще важна в творчестве Брюсова [26, с. 441-442]. Смена различных эпох создает единую линию развития истории человечества именно благодаря Истинной Мысли, которая является стержнем, цементом, скрепляющим различные самобытные культуры.

Особо следует выделить парадигму бытия творческого общечеловеческого сознания. В этой парадигме ставится акцент на особенной пассионарности людей, наделенных творческим сознанием. Бенедиктов в стихотворении «Искусство и природа» [8, с. 506-508] рассуждает о миссии художника, которая заключается в подражании не столько природе, сотворенной Богом, но самому Богу в Его творческих порывах: «*В порывах творческих мечтаний / Свершая огненный полет, / В кругу волшебных начертаний / Ты ищешь новых сочетаний, / Каких природа не дает*».

Разумная деятельность ставит человека не на уровень пересмешника-подражателя, копирующего то, что перед его глазами, а на уровень богоподобного творца новой природы, нового, рукотворного мироздания. Тот, к кому обращается поэт («*Ты мысль свою в природу вдвинул, / Внедрил свою идею в ней*») – не конкретный человек, художник, а собирательный образ группового творческого сознания. Социальное творческое сознание продвигает историю.

Брюсов показывает, что не человек разумом творит поэзию, а поэзия творит разумного человека, раскрывая перед ним мир («*Знакомый стих*») [13, с. 397]. Пассионарные люди обладают особым откровением, позволяющим понимать и недоступное разуму: «*Мечтатели, сибиллы и пророки / Дорогами, запретными для мысли, / Проникли – вне сознания – далеко, / Туда, где светят царственные числа. / Предчувствие разоблачает тайны, / Проводником нелицемерным светит...*» («Числа») [11, с. 133].

Творческое сознание предстает как создатель великого и величественного искусства: «*Стихийный лабиринт, непостижимый лес, / Души готической рассудочная пропасть...*» (Мандельштам. «Notre Dame») [33, с. 79]. Оно рождает поэтическую личность как ступонок общечеловеческой мысли: «*Ум человека я, чья мысль быстрее зарницы, / Сознание миров живет во мне, звеня*» (Бальмонт. «На огненном пиру») [5, с. 411].

Наряду с другими модификациями группового сознания в лирике существует парадигма гендерного сознания. Примеры представления женского разума находим в следующих стихотворениях: Брюсов «*Habet illa in alvo*» [11, с. 295] («*Пространство, время, мысль – вмещаешь дважды ты, / Вмещаешь и даешь им новое течение: / Ты, женщина, ценой деторожденья / Удерживаешь нас у грани темноты!*»); Бальмонт «Памяти И. С. Тургенева» [2, с. 37] («*Из тьмы он вывел женщину на свет, / В широкий мир стремлений и сознания, / На путь живых восторгов, битв и бед*»); Мандельштам «Стансы» [34, с. 142-143] («*Да, мне понятно превосходство / И сила женщины – ее / Сознание, нежность и сиротство / К событиям рвутся – в бытие*»). У Ап. Григорьева в «Первой главе из романа “Отпетая”» [20, с. 188] проявляется представление о мужском сознании: «*С разумной думой мужеской в очах...*».

Русские поэты рассматривают в своих творческих системах парадигму надындивидуального сознания – сознания, выходящего за рамки личностного, единично-индивидуального. Она включает в себя более узкую парадигму: коллективное сознание как обобщенное сознание более или менее локальной группы людей.

Коллективное сознание представлено в лирике тремя планами, различными по степени глобализации сознания. Первый план – сознание человека вообще как представителя человеческого сообщества. Оно предстает специфической особенностью человечества. Второй план более локальный – это разум общественный, социальный, характеризующий способность людей создавать социальные связи и вступать в социальные отношения. Третий план – групповое сознание. При пересечении и сочетании этих планов образуются области бытования коллективного сознания, различающиеся по степени обобщения и по проблематике.

В парадигме общечеловеческого сознания поэты стремятся осмыслить особенности сознания как оригинального свойства человека, отношение сознания к остальному мирозданию. В итоге наблюдения за процессами, происходящими в истории и культуре конца XIX – начала XX века, поэтическая мысль обращается к новым проблемам, которые в дальнейшем будут только наращивать свою актуальность (к таким проблемам, например, относится взаимоотношение техники и сознания).

В текстах, представляющих групповое сознание (сознание людей, объединенных в группу по какому-либо признаку), можно видеть следующие его модификации: *творческое* – сознание людей, наделенных творческими способностями и занимающихся творческой деятельностью; *гендерное* – мужское либо женское сознание; *общественно-политическое* – гражданское, классовое сознание, сознание группы, принадлежащей определенному социальному слою общества; *этническое* – сознание группы, объединенной по национальному или этническому признаку. Оно подразделяется на *ментальное* – особенности сформировавшегося национального сознания (в синхронии) и *историософское* – особенности развития национального сознания (в диахронии).

Коллективное сознание в лирике Золотого века рассматривается большей частью с общественно-политической, патриотической точки зрения. Серебряный век освещает проблему коллективного разума более распространено. Авторы приходят к поэтическому осмыслению опыта сознательной деятельности человечества в разных масштабах: от общечеловеческой до узкопассионарной, групповой.

Список литературы

1. Ахмадулина Б. А. Сны о Грузии. Тбилиси: Мерани, 1979. 554 с.
2. Бальмонт К. Д. Избранное: стихотворения, переводы, статьи. М.: Худож. лит., 1980. 750 с.
3. Бальмонт К. Д. Собрание сочинений: в 2-х т. М.: Терра, 1994. Т. 1. 832 с.
4. Там же. Т. 2. 704 с.
5. Бальмонт К. Д. Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1969. 712 с.
6. Баратынский Е. А. Полное собрание стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1989. 464 с.
7. Бельй А. Тяжелая лира и русская лирика // Современные записки. Париж, 1923. № 15. С. 371-387.
8. Бенедиктов В. Г. Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1983. 816 с.
9. Бердяев Н. А. Ветхий и Новый Завет в религиозном сознании Л. Толстого // Бердяев Н. А. О религии Льва Толстого. М.: Путь, 1912. С. 172-195.
10. Бродский И. А. Сочинения: в 7-ми т. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. Т. 2. 440 с.
11. Брюсов В. Я. Собрание сочинений: в 7-ми т. М.: Худож. лит., 1973. Т. 1. 672 с.
12. Там же. Т. 2. 496 с.
13. Там же. Т. 3. 696 с.
14. Вознесенский А. А. Собрание сочинений: в 3-х т. М.: Худож. лит., 1984. Т. 1. 463 с.
15. Там же. Т. 3. 494 с.
16. Волошин М. А. «Средоточье всех путей...»: избранные стихотворения и поэмы, проза, критика, дневники. М.: Московский рабочий, 1989. 608 с.
17. Волошин М. А. Стихотворения и поэмы. СПб.: Петербургский писатель, 1995. 704 с.
18. Высоцкий В. С. Сочинения: в 2-х т. Екатеринбург: У-Фактория, 1996. Т. 2. 544 с.
19. Глинка Ф. Н. Сочинения. М.: Советская Россия, 1986. 352 с.
20. Григорьев А. А. Сочинения: в 2-х т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 1. 607 с.
21. Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Воскресенье, 1997. Т. 1. 502 с.
22. Там же. М.: Воскресенье, 2001. Т. 4. 394 с.
23. Державин Г. Р. Полное собрание стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1957. 472 с.
24. Державин Г. Р. Стихотворения. М. – Л.: Советский писатель, 1963. 455 с.
25. Дюркгейм Э. Социология: ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995. 352 с.
26. Жукова Е. П. Брюсов и Гердер // Брюсовские чтения 2006 года: сб. ст. / Ереван. гос. лингвистический университет им. В. Я. Брюсова. Ереван: Лингва, 2007. С. 436-444.
27. Жуковский В. А. Собрание сочинений: в 4-х т. М. – Л.: Гос. изд-во художественной литературы, 1959. Т. 1. 480 с.
28. Журнал ПОЭТОВ. 2000. № 1 (13).
29. «И будет вечен вольный труд...»: стихи русских поэтов о родине / сост. Л. Асанова. М.: Правда, 1988. 462 с.
30. Крохина Н. П. Образы культуры в поэзии К. Бальмонта // Синтез в русской и мировой художественной культуре. М.: Литера, 2008. С. 149-155.
31. Кюхельбекер В. К. Сочинения. Л.: Худож. лит., 1989. 576 с.
32. Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: в 2-х т. М.: Правда, 1988. Т. 1. 708 с.
33. Мандельштам О. Э. Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Артбизнесцентр, 1993-1997. Т. 1. 367 с.
34. Там же. Т. 3. 528 с.

35. **Маяковский В. В.** Полное собрание сочинений: в 13-ти т. / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Худож. лит., 1955-1961. Т. 5. 480 с.
36. **Там же.** Т. 7. 536 с.
37. **Там же.** Т. 8. 458 с.
38. **Там же.** Т. 10. 383 с.
39. **Некрасов Н. А.** Полное собрание сочинений и писем: в 15-ти т. Л.: Наука, 1981. Т. 1. 719 с.
40. **Там же.** Т. 2. 447 с.
41. **Осипова О. С.** Человеческое сознание: древность и современность [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук: сб. научн. тр. 2000. URL: http://www.hf.msiu.ru/nauka_1-8.htm (дата обращения: 25.04.2011).
42. **Пастернак Б. Л.** Полное собрание сочинений: в 11-ти т. М.: Слово/Slovo, 2004. Т. 1. 576 с.
43. **Там же.** Т. 4. 760 с.
44. **Пушкин А. С.** Полное собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Изд-во АН СССР, 1962. Т. 1. 535 с.
45. **Там же.** Т. 2. 462 с.
46. **Рылеев К. Ф.** Полное собрание стихотворений. М. – Л.: Советский писатель, 1971. 480 с.
47. **Северянин И. В.** Тост безответный: стихотворения, поэмы, проза. М.: Республика, 1999. 543 с.
48. **Сиземская И. Н.** Русская «философия-поэзия» как форма историософского мирозерцания // Гуманитарные науки: теория и методология. 2006. № 2. С. 107-114.
49. **Соболев Д. М.** О поэзии существования // Соболев Д. М. Евреи и Европа. М.: Текст, 2008. 477 с.
50. **Соловьев В. С.** Стихотворения и шуточные пьесы. Л.: Советский писатель, 1974. 352 с.
51. **Столович Л. Н.** Античный космос Максимилиана Волошина // Античность и культура Серебряного века. М.: Наука, 2010. С. 347-355.
52. **Сугай Л. А.** Поэтическая культурология Серебряного века в контексте идеи синтеза // Синтез в русской и мировой художественной культуре: материалы пятой науч.-практ. конф., посвящ. памяти А. Ф. Лосева. М.: МПГУ, 2005. С. 27-34.
53. **Тютчев Ф. И.** Полное собрание стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1987. 448 с.
54. **Уфимцева Н. В.** Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских // Языковое сознание: формирование и функционирование. М.: Изд-во Ин-та языкознания РАН, 1998. С. 135-170.
55. **Хайдеггер М.** Гельдерлин и сущность поэзии / пер. и прим. А. В. Чусова // Логос. 1991. № 1. С. 37-47.
56. **Чеснов Я. В.** Лекции по исторической этнологии. М.: Гардарики, 1998. 400 с.
57. **Шпет Г. Г.** Эстетические фрагменты // Шпет Г. Г. Сочинения. М.: Правда, 1989. 445 с.

COLLECTIVE CONSCIOUSNESS PROBLEM IN RUSSIAN POETS' CREATIVE IDEAS OF THE XIXTH-XXTH CENTURIES

Alla Vladimirovna Radionova, Ph. D. in Philology

Department of Social Sciences

Russian State University of Tourism and Service (Branch) in Smolensk

Allarad1@rambler.ru

The author considers the Russian poets' views of the XIXth-XXth centuries on collective consciousness philosophical paradigm, studies three plans of this paradigm which were presented in Russian lyrics and are different in consciousness generalization degree: consciousness of a man in general as human community representative; public, social mind characterizing people's ability to create social connections and come into social relations; and group consciousness; and analyzes different modifications of collective consciousness that became the object of Russian poetry.

Key words and phrases: mind; lyrics; universal consciousness; social consciousness; group consciousness.

УДК 261.8

Статья раскрывает отношение современного католицизма к проблеме совместной евхаристии с представителями иных христианских конфессий. На основе анализа содержания официальных документов делается вывод о наличии пристального внимания со стороны католического экуменизма к вопросу общения в таинствах и его роли для экуменического движения.

Ключевые слова и фразы: экуменизм; евхаристия; католицизм; интеркоммунион.

Виктория Викторовна Ратникова

Кафедра религиоведения

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

v_ratnikova@mail.ru

КАТОЛИЧЕСКИЙ ЭКУМЕНИЗМ И ПРОБЛЕМА СОВЕРШЕНИЯ ОБЩЕЙ ЕВХАРИСТИИ[©]

В XX в. экуменизм – движение за объединение христиан – стал крупным религиозным явлением. Поиск единства, институционального и вероучительного, занимает основное внимание экуменистов. Представляя